

БАЗА № 9. РАССЕКРЕЧЕНО

*Сценарий И. Власовой по мотивам воспоминаний первых строителей
г. Лесного, книги В.Н. Кузнецова «Атомный проект за колючей проволокой»*

Авторы воспоминаний:

Василий Егорович и Зинаида Фёдоровна Аблогины

Александр Сергеевич Баранов

Дмитрий Николаевич Горячев

Николай Александрович Кащеев

Геннадий Михайлович Козлов

Василий Яковлевич Комаров

Владислав Михайлович Копышев

Маргарита Александровна Кремлёва

Алла Александровна Кузьмичёва

Иван Павлович Малышев

Анатолий Владимирович Митюков

Нина С. Михайлова

Александр Фёдорович Нефёдов

Иван Петрович Пайвин

Степан Егорович Паньшин

Виктор Эвальдович Пеплов

Виталий Георгиевич Пицаев

Пётр Георгиевич Пронягин

Сергей Евгеньевич и Мария Ивановна Федоровские

Николай Петрович Чернышёв

Василий Егорович Шагин

1. Московское утро. Звуки голубятни, трамваев, дворника...

ГРИША: Здравствуйте, мама, братья Толя, Миша, Боря, сестрёнки Галина и Тамара, баба Глаша и дед Матвей, тётя Варя и тётя Нюра! Это письмо вы никогда не получите, да я никогда и не напишу его чернилами на бумаге, - и не потому что чернил и бумаги у меня нет, у меня теперь этого вдоволь, а потому, что вся моя теперешняя жизнь строго под секретом. Мне даже во сне нельзя разговаривать. Батя наш, когда уходил на фронт, наказал мне не отрываться от родного дома, вот я и держу связь – но только умом и сердцем, - а разве вы не почувствуете?..

Я теперь в Москве! Диплом защитил на отлично, и нас, 8 человек, кто прошлой зимой анкету заполнил, - из Лобни в Москву отправили, на улицу Солянка, дом 9. Не успели мы удивиться обилию там военных, как нам сказали ехать на Чистые пруды. Не подумайте, что вроде как на озеро - это адрес такой в Москве! А прежде выдали по тысяче рублей! Мне, выпускнику индустриального техникума - тысячу!

Передайте Галочке и Томочке, что брат Григорий пошлёт им из столицы новые ботиночки.

ВИКТОР: Баснословные тысяча рублей! И прокормимся, и оденемся как следует, - так что за нас с Танюшей не волнуйтесь. Главное, что карточки отменили. Даже не верится, что хлеба и еды на весь голодный Советский Союз хватит!

ПАША: Здорово, Дмитрий! С приветом к тебе старший брат Павел. Переписка наша пока односторонняя и вроде как умозрительная, ты меня не ищи и ни о чём не спрашивай, а матери я пару строк черкну, пусть не переживает.

Всё, Митя, началось с анкеты. К нам в химико-технологический прибыл неизвестный представитель известной организации, раздал анкеты. Написать нужно было без помарок, а главное – без ошибок: тут не только бланк - жизнь испортишь! Миша Макеев написал, что в 13 лет полгода жил на оккупированной территории, - его «забраковали». А потом нас вызвали на Солянку, - и там мы увидели, как майор МГБ разделил пачку наших анкет на две части – «хозяйство Васильева» и «хозяйство Сурмача». Мы с Костей хотели вместе – но майор так посмотрел, что я чуть язык не прикусил. Отправил на Чистые пруды, там, рядом с кинотеатром «Колизей», большой дом, а в нём подвал...

ГРИША: ...обшарпанный такой, у входа – какие-то бочки, ящики, а на десятичных весах сидит грозная сторожиха. Похоже на овощной склад - даже запах характерный. Принял нас мужчина средних лет, посмотрел наши документы, занёс в список, пожелал счастливого отдыха, а в августе, сказал, снова сюда.

ПАША: Ильин! Александр Иванович, главный инженер. Спрашиваем его: а потом куда? «Приедете - узнаете», - говорит. – «Одно могу сказать – там пока нет ничего».

ВИКТОР: Ну да, «поезжай туда – не знаю куда, будешь делать то, не скажу что». А я уже на Томском моторостроительном заводе работал, зарабатывал 600 рублей в месяц, женился. По мне, конечно, лучше синица в руках, чем журавль в небе, - но дали понять, что отказ не принимается, - и отправили на стажировку в Москву.

ГРИША и ПАША: ЛИПАН!

ВИКТОР: Он самый!

ГРИША: Она!

ВИКТОР: *(оглядывается)* Чего?

ГРИША: Она, говорю, - Лаборатория измерительных приборов Академии наук.
ЛИПАН!

ПАША: Полный восторг! Попали в святая святых! Лекции читает САМ Лев Андреевич Арцимович. Тайнственность, секретность. Завораживающее слово...

ГРИША и ВИКТОР: Тс-с-с!.. *(одними губами)* У-у-у-ра-а-ан...

ПАША: *(шёпотом)*...у-у-у-ра-а-ан - его нельзя произносить вслух за высоким забором ЛИПАНа. *(Достаёт из кармана подкову)*

ГРИША: Ух ты! Откуда?

ПАША: Оттуда. На счастье.

ВИКТОР: Бесплатное 3-хразовое питание – и какое! Миноги, крабы, пирожные. Пирожные я, конечно, Танюше отдавал... *(Подходит Таня)*

ТАНЯ (Вика): ... нам с Витей стыдно было за все эти роскошества перед хозяйкой - мы снимали угол у немолодой женщины-бухгалтера, старались прийти поздно, чтобы она не видела нашего счастья и ни о чём не спрашивала.

ПАША: А я, как дурак, упивался чувством избранности и особенности нашей работы. А уж когда появился Васильев...

Стремительно входит ВАСИЛЬЕВ с папкой бумаг, его окружают.

ПАША: А где, где строится завод?

ВИКТОР: Там есть жильё?

ГРИША: Скоро ли придётся покинуть Москву?

ВАСИЛЬЕВ: Жить будете на Урале, а поедете, как только новым технологиям здесь обучитесь. Завод и город построим за 2 года.

ГРИША: Шутите?!

ВАСИЛЬЕВ: Нет, это не шутка. Страна не шутит. Шпагин кто? Хочу сделать вас вакуумщиком. Согласны?.. Знакомиться с вакуумным оборудованием будете на Московском электромеханическом заводе им. Владимира Ильича. Вот с этим направлением обратитесь в отдел кадров. *(Уходит)*

ГРИША: Ваку... - это кто?

ПАША: *(пожимает плечами)* А кто его знает...

ГРИША: Узнаешь!..

Выходит КАДРОВИЧКА

КАДРОВИЧКА: У нас вакансий нет. Зачем мне ваша бумажка?

ПАША: Это не просто бумажка! Там круглая печать!

КАДРОВИЧКА: *(читает)* «СССР. База № 9». Что это за овощная база? Отдайте её тому, кто вас сюда отправил.

ВАСИЛЬЕВ: *(по телефону)* Я директор не овощной базы, а заказчик того самого оборудования. ... Нет, брать в штат и платить зарплату не придётся... На какой срок? Пока не будет готова партия насосов!

Звучит песня Руслановой «Я на горку шла»

ПАША: Здравсьте...

КАДРОВИЧКА: Идите в цех, там сейчас Русланова.

ПАША: Та самая?!

КАДРОВИЧКА: А какая ж ещё? Слышите? Шефский концерт у нас.

ПАША: *(письмо)* Шефы у нас тут на заводе, Димка, самой высшей пробы! Барсова, Нежданова, Лемешев... А это *(достал из кармана)* – билет в кино! Новая картина «Встреча на Эльбе». Мировая, говорят! Эх, подольше б в столице пожить!

ГРИША: В поезд на Казанском вокзале сели 23 августа 1949 года.

2. Дорога на Урал

На платформе – отъезжающие с вещами. «Прощание славянки».

САНЯ: Это Свердловский?

РЕБЯТА: Он самый!

ВАСИЛЬЕВ: *(выносит коробку, перевязанную лентой)* Я ещё на неделю задержусь в Москве. Едете до конца, там вас встретит товарищ Мальцев. И знайте: Урал – прекрасный край державы! *(Ставит коробку. Гудок)*

ВСЕ: *(запрыгивая в поезд)* Урал – прекрасный край державы.

Поезд набирает ход.

ПАША: Гриша, быстрее! Отстанешь!

ГРИША: Никто не знал, что из поезда высадимся на четвёртые сутки.

САНЯ: Сестрёнка, у меня уже новый друг появился! Познакомились, как только сели в поезд. Зовут Алексей. И вот ведь совпало: у него тоже сестра Анюта! Так мы вам, Анютки, самоцветных камешков с Урала привезём, под цвет глаз. Тебе – изумруд или малахит, ты же у меня зеленоглазая. Чтобы не скучать, ты пока книжку почитай *(вырывает книжку у Алексея)* Павла Бажова – это их уральский сказочник: «Медной горы хозяйка».

АЛЕКСЕЙ: Из библиотеки стащил. Сдам, когда домой поеду. Сейчас найду вам одно место... *(листает страницы)*

ПАША: *(прибегает)* Вот это да-а-а!..

ГРИША: Ты где был?

ПАША: В разведке! По оперативным данным, в соседнем вагоне едут выпускницы Стерлитамакского химического ремесленного училища и Краснодарского станкостроительного техникума. Хор-р-рошенькие! *(Высовывается в окно)* Девушки, идите к нам!

РИТА: *(из окна, с развевающимся шарфом)* Мы к незнакомцам в гости не ходим!

ПАША: Так будем знакомиться!

ШУРА: А мы с первыми встречными не знакомимся!

САНЯ: Так первые ещё позавчера уехали, мы вторые.

ПАША: У нас гитара есть – петь будем! Гриша, вдарь по струнам!

Девушки перемещаются в вагон к юношам

РИТА: Я – Рита, а это мои подруги Оля и Шура.

САНЯ: Так и я Шура! Можно – просто Саня, а можно – Александр... Великий. *(Подмигивает)* Буду. Я, девушки, еду город строить. А вы?

РИТА: А мы на экскурсию, правда, девочки?

ШУРА: На вас посмотреть.

САНЯ: Нас, горьковских, тут 38 человек.

ДЕВУШКИ: *(смеются)* И все великие?

САНЯ: Не волнуйтесь, будем! Правда, Лёша?

АЛЕКСЕЙ: Алексей, из Ленинграда, окончил инженерно-строительный. Мечтал о далёкой и загадочной Находке с морями-океанами – а еду на далёкий загадочный Урал с лесами-горами и ... *(потрясая книгой)* самоцветами!

ОЛЯ: Вы и книжки взяли?

АЛЕКСЕЙ: А как же! Приедем на Урал подкованные. Вот, слушайте: «Глядит – недалеко от той листвянки речка с горы бежит. Небольшая речка, весёлая, с

камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят. «Что, думает, такое?» Глядит, а за кустом на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у неё золотая и длиной десять сажен. Речка от той косы так горит, что глаза не терпят...» В сказку едем, друзья!

Поют «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Поезд тормозит.

РИТА: Тормозим. Станция, наверное... *(приникли к окнам)*

ТАНЯ: Лес... как чёрная стена...

ШУРА: Ой, в такой лес и входить страшно!

САНЯ: Со мной ничего не бойся, тёзка! Вы и я...

ШУРА: С чего это вы взяли, что я и вы...

САНЯ: Нет, Шурочка, именно Вы-я. Станция так называется – Выя.

РИТА: Чудное название!

БАБА на станции: Деточки, кто же вас послал в такую глушь?.. *(Девушки молчат)*

Немые что ль?.. Ох, спаси, Господи! *(Перекрестила их, ушла. Поезд тронулся)*

ПАША: А вы чего, девчата, как будто и впрямь язык проглотили.

ШУРА: *(растерянно)* Так мы же подписку дали – никому ничего не говорить...

ПАША: А если без звука? *(Все юноши)* У-у-ура-а-н...

ДЕВУШКИ: *(тоже шёпотом)* Урал?

ПАША: *(мотаёт головой)* Не Урал. Планета. 92-й элемент таблицы Менделеева.

САНЯ: А может, говорить будем знаками? *(Показывает фразу)*

ШУРА: Чего это?

САНЯ: «У вас продаётся славянский шкаф?»

ПАША: «Шкаф продан. Могу предложить никелированную кровать с тумбочкой».

АЛЕКСЕЙ: Или азбукой морзе – вряд ли бабуля её знает! *(стучит на чемодане, Паша чечётку стучит)*

РИТА: Ну и артисты - вам бы в театре работать!

ОЛЯ: Или в цирке.

ШУРА: А мы, девочки, переживали – будет ли куда после работы сходить?

САНЯ: С нами не пропадёте!

ГРИША: А чтоб не говорить – петь будем!

Начинает петь Молодёжную песню из к/ф «Волга-Волга», все подхватывают.

ОЛЯ: *(письмо)* С нами едут замечательные ребята. Едем дружно и весело, песни поём. Продукты, правда, уже съели – но это ли повод огорчаться нам, молодым? Ребята говорят, что город и завод построим за 2 года, но мне не верится. Поезд, кажется, тормозит. *(В вагоне перестали петь)* Mamочka, не грусти и не скучай! Новый город быстро не построишь, но ведь я буду приезжать в отпуск. А пока давай радоваться тому, что твоей дочери посчастливилось отправиться *(поднимает коробку)* в сказочный Уральский край, чтобы стать участником грандиозной стройки, и одно это наполняет моё сердце восторгом и гордостью! *(Алексей развязывает ленты коробки)* Ой...

Коробка «распадается»: колючая проволока, бараки, грязь. Паша свистит.

АЛЕКСЕЙ: Вот вам и сказка...

ВИКТОР: Прекрасный край державы...

ШУРА: Это ...здесь... будет... город?

Пауза. Все потрясены. Рита, а за ней остальные запели Интернационал.

ПАША: От потрясения, Димка, мы даже петь перестали. Правда, тут же снова запели. Не помню, кто начал Интернационал...

Мимо проходит баба с хвостинкой – потеряла козу.

БАБА: Маня-Маня-Маня... Вы козу не видали?

РИТА: Здравствуйте! Простите, а колючая проволока... здесь что, тюрьма?

БАБА: ИТЛ.

ОЛЯ: ИТР?

БАБА: Что за итэр?

ОЛЯ: Инженерно-технические работники...

БАБА: ИТЛ - исправительно-трудовой лагерь, значит. Для заключённых. Завод строят. Только их-то сюда за воровство и бандитизм, а вас за что?.. А тюрьма - во-о-он то серое каменное здание. В царские времена, при Елизавете построили. Вот там и есть нового завода контора. А вы, видать, из Москвы? - одежда у вас красивая. Так вы её в Севрюге не оставляйте, у них камера хранения есть. А то заключённые в карты проиграют вместе с одеждой. Манька, чертовка, куда подевалася?

ВИКТОР: Чего проиграют? *(В него вцепилась ТАНЯ)*

БАБА: Чего-чего. Вас. *(Пошла)*

ПАША: *(вдогонку)* А что это вы вроде про рыбу сказали?

БАБА: Про каку-таку рыбу? А-а, севрюга? Так это гостиницу вашу так прозвали. *(Пошла, в сердцах)* Да хоть бы ты сгинула совсем, окаянная!

ОЛЯ: Интересно, где тут гостиница...

ГРИША: И где товарищ Мальцев?.. Может, двинем в сторону тюрьмы?

САНЯ: А может, пока поезд не ушёл... шутка! Я ещё камушков не набрал.

ШУРА: Как же мы обойдём эту грязную лужу от вокзала – до забора?.. Как посмотрю под ноги – плакать хочется...

АЛЕКСЕЙ: Девушки, не раскисать! Мы вообще не будем смотреть под ноги - будем смотреть на обла...ка... *(Смотрят вверх – пошёл дождь, все сбились в одну кучу, кто-то достал серый плащ – натянули на головы один на всех)*

РИТА: У меня такое чувство, что серое небо и дожди здесь всегда ...

АЛЕКСЕЙ: Ерунда! Будет нам и солнце, будут нам и звёзды! Отыщем Орион, Кассиопею, Млечный путь - и будем мечтать...

САНЯ: Я уже мечтаю - о горячем чае...

АЛЕКСЕЙ: Великому человеку – великие мечты! *(все смеются)*

САНЯ: Ты, Лёшка, болван! Мне ж сперва чаю напиток – горячего да послаще, а уж потом я, будьте спокойны, построю вам «город на заре»! *(Гудок паровоза, разбирают чемоданы)*

ГРИША: Вперёд!

3. Посёлок

ОЛЯ: *(письмо)* Поселили нас по адресу улица Сталина, дом 3 – это первое на стройке общежитие, прозванное в народе гостиницей «Севрюга». Барак с длинным узким коридором и вправду похож на знаменитый пароход из фильма «Волга-Волга». Хотя некоторые шутники думают иначе.

САНЯ: «Севрюга» - это потому что мы – особо ценная порода!

АЛЕКСЕЙ: И у нас тут круглогодичный нерест – целыми составами народ едет!

ОЛЯ: А во дворе – ну чем не «Севрюга»? - дымит настоящий паровоз. От его котла и общежитие отапливается, и баня в сарае работает.

ПАША: Выдали наволочки и матрасники, сказали набить деревянной стружкой. Одеяла? - одеяла из собственной одежды.

ГРИША: В комнате – держитесь! - 39 человек. Коммуна! Республика ШКИД! Кстати, Толик, ты дочитал книжку? Не ленись читать, а то ни один техникум не примет.

ПАША: Спросил у соседа по комнате, кто руководит стройкой. Сказал – подполковник Зарицкий, приехал сюда из Сухуми, где строил в Гаграх дачу товарища Сталина. Понимаешь ли ты, брат Митя, величину и размах нашего дела?! Дело большой государственной важности и секретности. *(Показывает подкову)* Смотри у меня, ни гу-гу!..

ВИКТОР: Нам с Таней повезло: дали крохотную угловую комнату...

ТАНЯ: ... абсолютно пустую! А у нас всего 2 чемодана, да и то один – с книгами. Первые дни спали на газетах. *(Виктор достаёт из чемодана завёрнутый в газету фотоальбом)*. Ох, Клава, да если бы я знала, – разве позволила бы Виктору согласиться?! Я ведь думала – в Свердловск едем. А на вокзале в Свердловске выяснилось, что нам – «до конца». Вот уж действительно – конец! Ни дорог, ни домов! Грязь непролазная по колено!

Кладовщица вывозит тачку с сапогами. Все надевают, отстукивают дробь.

АЛЕКСЕЙ: Тяжёлая глинистая почва прилипает к ногам так сильно, что порой сапоги остаются в грязи...

САНЯ: ... а ноги вылетают с развевающимися портянками.

ВИКТОР: Из-за осенней распутицы всё встало.

ГРИША: До лесных участков не проехать, а без леса и досок стройка замерла.

РИТА: Скоро зима – а ещё не закончены теплосети, водопровод, канализация...

ШУРА: В общежитии так холодно, что спим в пальто, однажды волосы примёрзли к стене!

ОЛЯ: Воду на машинах привозят – не хватает ни помыться толком, ни постирать! Когда не вмоготу, набираем воду в яме и процеживаем от глины.

ПАША: Ещё не пущены заводы по производству бетона, раствора, железобетонных плит, шлакоблоков...

ГРИША: Не хватает складов и механических мастерских!

ВИКТОР: Остро нужен лесопильный завод!

ТАНЯ: План не выполняется...

АЛЕКСЕЙ: На собраниях кипят страсти...

САНЯ: Громадину под горячую руку лучше не попадать!..

Выходит ГРОМАДИН (1-е собрание)

ГРОМАДИН: Если зима будет ранняя – нам конец: замёрзнем все. С прокладкой теплосетей надо торопиться. А у меня опять экскаваторы встали, они же довоенные, не выдерживают! Приходится всё вручную. Скальный грунт – кирками и кувалдами! Какой уж тут план! Вот вам и 43%!

1 СТРОИТЕЛЬ (Кирилл): От нас требуют невозможного! Кирпич не дают, а печки ложить надо. Ворочаешь с утра до ночи, а тебе говорят: плохо, медленно! А ежели тачек нет, подъёмников нет, так что остаётся? Горб и рука? Остаётся одно: бросить всё к чёрту и уехать в другое место, где порядка больше.

2 (Миша): Правильно говорит! Как работать? Гравия, щебня, песку не хватает!

6 (Даня): А что привозят – размещать негде. Поступил вон цемент и кирпич – а складов-то нету!

3 (Ваня): Новая котельная нужна! Без неё нечего и думать о работе промбазы!

4 (Вика): А посёлок отапливать? – зима на носу! У Масляковой маленький ребёнок, так она пелёнки согревает над лампой!

5 (Артём): Да людей, людей не хватает! Работать некому и нечем! У меня только трое кадровых рабочих, остальные заключённые. Чуть не досмотришь – в карты играют прямо в траншее.

6 (Данил): У заключённых низкая дисциплина, их надо как-то стимулировать!

ГРОМАДИН: Их сначала одеть надо, чтобы люди могли работать при любой погоде. И накормить как следует, а то, говорят, во 2-ом лагере люди в голодные обмороки падают.

7 (Аня): Одеть надо не только заключённых: кирзовых сапог не достать! Передаём друг другу по смене, иначе до работы не дойти.

8 (Женя): Зато в ларьке - косточковое масло, сухая горчица и мундштуки!

Всеобщий шум.

ГРОМАДИН: Мы так до утра не разойдёмся. Собраний и политзанятий надо меньше проводить - тогда и процент плана будет больше!

Расходятся. Из глубины кулис – крик:

Женский голос: Лидия Сергеевна! Вызов во 2-ой!

Выбегает ЛИДА в белом халате, с саквояжем, на ходу надевая плащ

ЛИДА: Опять в мужской! Каждый раз стараюсь виду не показывать, а всё равно, иду по лежнёвке – и дрожу от страха, хоть и солдат с овчаркой рядом. (В кулисы) Если Петя заедет, скажите, что я во 2-ом лагере. (Убегает)

4. Завод и стройка

ПАША: Пишу короче и реже, ты уж не сердись, Митя. Цех наш работает в три смены. Случаются такие авралы, что остаёшься в цехе ночевать – да какое там, ночевать! Так, чуть покема...ришь... (задремал)

ВИКТОР: «Довольно, Павлуша, гулял ты немало, пора за работу, родной...» Паша, Паш, проснись. Видишь, у пульта посторонние? Что-то не нравится мне этот небритый тип. Подозрительный какой-то.

ПАША: (*протирает глаза*) Да и крепкие эти джентльмены в штатском тоже подозрительные!.. Нам как велели? – обязательно доложить начальству. А если его нет – принять меры к задержанию, то есть - бить в морду.

ВИКТОР: (*наблюдает*) Пошёл к смотровому окошку...

ПАША: Я беру на себя штатских, а ты небритого...

Через сцену проходит Васильев

ВАСИЛЬЕВ: Лев Андреич, насилие вас догнал! Только что с 4-й площадки. Что, нравится наш ионный пучок?..

ПАША: (*вслед*) Здравьете, Дмитрий Ефимыч!.. Тот небритый тип - Арцимович?! Мы что, его не узнали?!?

ВИКТОР: С нашими авралами мы скоро забудем, как мама родная выглядит. Побегу туда!

ПАША: Мы, Димка, молодые и выносливые, смело берёмся за всё новое! В институте была теория, но главное – практика – здесь! Начинаем с нуля, изобретаем, пробуем, ошибаемся, снова пробуем! Сейчас идёт монтаж разделительных камер - чтобы в следующем году начать выпуск изотопов (*шёпотом, с подковой*) у-у-ра-а-ана, но это большая государственная тайна. Инструкция № 0166. И грозный начальник 1-го отдела Степан Никитович Комлев. Ему лучше глаза не мозолить.

ВИКТОР: ОП-ОВ. Особая папка особой важности. Чертежи коммуникаций, все электросхемы страшно засекречены. Однажды от толчка папка упала со стула...

СОЛДАТ: Не трогать, стрелять буду! Никому не приближаться! (*Собрал листы, отдал папку*) Будьте аккуратны, товарищ Попов.

ВИКТОР: А многие чертежи на руки вообще не выдаются – приходится запоминать и по памяти доносить до монтажников. Однажды под грифом «секретно» получили чертёж... на временный туалет. Смеялись до упаду.

ПАША: Зато технологам 2-го цеха было не до смеха. В заявку на новое оборудование они включили сварочные аппараты, в которых используется АТОМарный водород. Запретное слово АТОМ есть, а грифа «секретно» на заявке – нет. Не поставили. Комлев потребовал начальника цеха на ковёр, кричал, что потеряли бдительность, грозился арестовать... Вмешался Васильев.

ВАСИЛЬЕВ: (*с книжкой*) Тогда и учебник по сварке надо засекретить, а его авторов – арестовать.

ПАША: Обошлось. (*Васильев ушёл*) Есть 3 степени секретности: Первое. Когда ты не знаешь, что делает твой цех.

ВИКТОР: Второе. Когда ты не знаешь, что делает человек в паре метров от тебя.

ПАША: Третье. Когда ты не знаешь, что делаешь сам. Но это шутка, брат Митя! Я знаю, что я делаю. Историю!.. Она, кстати, зовёт. А потому закругляюсь и бегу в

цех. *(Бежит и возвращается)* Если приеду и узнаю, что мать не слушаешься – уши надеру. *(Убегает)*

ГРИША: Здравствуйте, мама, братья Толя, Миша, Боря, сестрёнки Галина и Тама... *(засыпая)* ра... ра...

ВИКТОР: *(проходя мимо)* Я к Ильину, а ты ещё раз попробуй!

ГРИША: *(протирая глаза)* Работаем без выходных. Днём бетон даём на промышленные объекты, ночью – на жилые дома. Громадин строит финский посёлок – 36 разборных домов привезли из Финляндии в счёт репараций, - ну, то есть как возвращение долга за разрушения в войну. Правильно, не мешало бы расплатиться! Первые дома сдали к Октябрьским праздникам. Скоро заживём! Это сам Дмитрий Ефимыч Васильев обещал с балкона управления завода 7 ноября.

Звучит «Москва майская»

ВАСИЛЬЕВ: *(с балкона)* У нас ещё нет дорог, чтобы пойти на демонстрацию. Но уже на первомайский митинг мы пойдём большой колонной с красными знамёнами – и это станет нашим победным рапортом Родине. Нам доверили дело большой государственной важности. Надеются на нас, что мы всё сделаем как надо и в срок. Так и будет! *(Аплодисменты, все расходятся. Васильев снимает красный бант, звонит по телефону)* Пётр Григорьевич? Мне позвонили из Верх-Нейвинска: к ним едет Берия, говорят, и к нам может. Надо срочно проложить тупик для приёмки и стоянки спецпоезда... Сколько? Да нету, нету времени! Дней 6 максимум. И давай траншеи засыпай... Трубы не успели уложить? – некогда, некогда уже класть, всё равно засыпай! А женские бригады бросай на бетонку – пусть лопатами и мётлами скоблят грязь. ... Сам знаю, что бесполезно! Дожди эти, как назло... Действуй! *(По другому номеру)* Михал Фомич, слышал уже?.. Ты там у себя в лагере шмон наведи, подремонтируй чего. ... Ну, может, Бог даст – не доедет в нашу глушь...

5. Общежитие

Заиграл патефон - «Челита» Шульженко

ОЛЯ: *(греет руки о горячую кружку)* Mamочка, как ты там? Мне, наконец, дали настоящую работу – обрабатываю детали. А сначала отправили расчищать дороги – и это после станкостроительного техникума! Разве не обидно? Когда выдавали первую зарплату, я решила, что получать её не имею права.

САНЯ: А ты получи деньги и отдай мне. Я найду, как их потратить, раз тебе не нужны.

ОЛЯ: В первые дни в цехе брак доходил до 80%, от отчаяния хотела всё бросить и уехать. По ночам слёзы глотала – лишь бы не услышал никто! Зато выйдешь утром – снег белый с голубым отливом, какого я никогда не видела, а на стропилах тетерева сидят...

ТАНЯ: Клава, я очень боюсь, что не выдержу. Каждое утро Виктор наматывает портянки, за стеной кто-то расщепляет лучину для титана, а на патефоне играет «Челита», потом будет «Голубка», потом «Мандолина, гитара и бас» - потому что других пластинок нет. Мне выть хочется! Виктор, чтобы меня развлечь, позвал

поехать с его бригадой на гору Качканар. На обратном пути заехали в посёлок Ис, в столовую. А там – накрытые столы: пироги, колбаса, вино. Оказалось, какой-то золотоискатель празднует удачу. У меня слёзы потекли – так домой захотелось!.. Виктора почти не вижу: всё время на заводе и как безумный твердит «колоссальная новизна! колоссальная новизна!» А я устала, устала...

ШУРА: Устаю на работе ужасно, но стоит добраться до «Севрюги» - усталость как рукой снимает. У нас в коридоре 2-го этажа иногда кино показывают. Народу набивается уйма, даже на лестнице висят! Однажды привезли «Весну» с Орловой в главной роли. Ах, как мне захотелось такие же туфельки и шляпку, как у неё!.. Уж я бы прошлась!.. Только размечталась – тут лестница и обвалилась. Никто, к счастью, не убилися, потом до конца фильма смеялись так, что слова заглушали.

ОЛЯ: А потом «Евгения Онегина» по памяти читали:

Мы все учились понемногу

Чему-нибудь и как-нибудь,

АЛЕКСЕЙ: Так воспитаньем, слава богу,

У нас немудрено блеснуть.

САНЯ: Онегин был по мнению многих

(Судей решительных и строгих)

Ученый малый, но педант:

РИТА: Имел он счастливый талант

Без принужденья в разговоре

Коснуться до всего слегка,

ШУРА: С ученым видом знатока

Хранить молчанье в важном споре

САНЯ, ПАША, АЛЕКСЕЙ: И возбуждать улыбку дам

ВСЕ: Огнем неожиданных эпитграмм! (*Читая, рисуют на окне морозный узор*)

АЛЕКСЕЙ: (*письмо*) Вот тебе и «Урал – прекрасный край державы». Анюта, у вас в Ленинграде, наверное, в Летнем саду ещё листья кружат, а здесь за ночь вода в графине превращается в лёд.

ВИКТОР: Возят нас на работу на крытой грузовой машине ЗИС-5. Шофёр Ваня Пайвин встаёт в 5, чтобы прогреть и завести мотор и в 6 подъехать к остановке. Человек по 50 набивается - машина ходуном ходит, того и гляди, перевернётся. Хорошо, что ты никогда не прочитаешь это письмо, а то бы за сердце схватилась...

6. Зима. Партактив

ПАША: (*письмо*) Уральская зима – это не московская! Особо тяжело тем, кто на земляных работах кайлом и кувалдой фундамент первой школы делает. Многие не выдерживают, уезжают. Нас, комсомольцев, позвали на собрание партактива - оно шло 6 часов! Речь начальника политотдела Мальцева теперь по всей стройке ходит.

МАЛЬЦЕВ: У нас не хватает валенок – давайте валенки носить попеременно, а ночью сушить. У нас не хватает ватных штанов – давайте прекратим прожигать их у костров! У нас не хватает топоров и пил – пусть люди работают поочередно и

отдыхают, но трудятся без перерывов топоры и пилы. Нам доверили дело – и мы его сделаем!

СЕКРЕТАРЬ: Товарищи, прекратите курить! Здесь портреты вождей!

МАЛЬЦЕВ: План опять не выполняется! Прораб Анкудинов запорол фундаменты третьего корпуса. Лукьянов допустил брак при бетонировании днища береговой насосной и сорвал её строительство на полгода. Несколько раз перекладывал стены котельной прораб Панёв. Он же избил рабочего за невыход на работу и оправдывается тем, что у него разболталась нервная система на фронте. Остудить надо нервы, товарищ Панёв! И правда ли, что вы уже месяц сидите на чемоданах?

ПАНЁВ (Артём): А я подписку о невыезде не давал! Да тут никаких нервов не хватает! После работы воды нет помыться, отдохнуть нельзя – в общежитии вечно гвалт! А в столовой? Придешь голодный после смены – хлеба нет, потому что трактор с санями сломался или застрял, вот тебе со дна подгорелую кашу и соскребают. Вы сначала условия создайте, а потом план требуйте!

1 (Кирилл): А я люблю подгорелую кашу! Мы с братьями даже дрались за неё...

2 (Данил): Да мы и без Панёва построим, скатертью дорога!

МАЛЬЦЕВ: Тихо, товарищи! Со временем всё будет - и жильё, и баня, и хорошая столовая, и поликлиника. А кто боится трудностей – пусть уезжает.

2: Скатертью дорога!

МАЛЬЦЕВ: Есть у меня вопрос и к товарищу Доле: Яков Петрович, когда ты начнёшь кладку стен бойлерной?

ДОЛЯ (Миша): Я готов её закончить, а не только начать, но мне нужен хотя бы один каменщик.

МАЛЬЦЕВ: Неужели ты в лагере не можешь подобрать? Брось дурака валять!

ДОЛЯ: Могу подобрать бухгалтера, продавца, учителя, председателя колхоза, а каменщиков там нет.

МАЛЬЦЕВ: Сам ложи! Ты же старший прораб, шутки твои в слёзы перейдут, когда зима придёт.

1: Она уже здесь!

МАЛЬЦЕВ: Кто?

1: Зима! *(Смеются)*

ГРОМАДИН: *(встаёт)* Какие уж тут шутки. Я с заключёнными в 7-ом лагере каждый день общаюсь - их сейчас две тысячи, но ожидают новый этап, Рубцов сказал, лагерь будут расширять. Зека в основном работяги, и если к ним относиться по-человечески, справедливо, то плохого не будет. Опять же зачёты – вещь полезная. Благодаря зачётам нормы выработки у заключённых больше, чем у вольнонаёмных и солдат.

МАЛЬЦЕВ: Да, семёрка у нас в передовиках!

- Семёрка, на выход! *(вывозит тачку с телогрейками, актёры переодеваются в заключённых)*

7. Лагерь. Аврал и авария.

ЗК-1 (Ваня): Если выполнил норму на 151% - спецчасть начислит за 1 день 3 дня отбытия срока.

ЗК-2 (Кирилл): 121% и более – 2 дня зачёта за день.

ЗК-3 (Данил): От 101 до 110 % - полдня.

ЗК-4 (Артём): Меньше 100% - понижение пайки хлеба и на ужин кашу не получишь! Спи на пустых щах из соответствующего котла...

ВСЕ: «Котловка».

ЗК-5 (Миша): Если бригада получила зачёт один к трём – в лагере встречают с оркестром.

Оркестр играет мари. Заключённые строятся. Проходит ЛИДА с саквояжем

ЗК-4: Гражданка Громадина, я животом маюсь – не дадите таблеточку?

ЛИДА: Заходите в изолятор. *(Моем руки)*

Погас свет. Звук разбитого стекла.

Голос в темноте: Лидия Сергеевна, вы только в коридор не выходите. Здесь вам ничто не угрожает. *(Зажёгся свет)*

ЛИДА: Пробирка разбилась... *(Появился ГРОМАДИН, бросается к нему)* Я так испугалась, Петя!

ГРОМАДИН: Всё хорошо. Пойдём, я провожу тебя и разберусь, почему рядом не было охранника, когда погас свет. *(Уводит ЛИДУ)*

Заключённые выстроились, выходит ГРОМАДИН

ЗК-1: Гражданин начальник, а вы вольняшка или служивый?

ГРОМАДИН: Вольняшка.

ЗК-3: А мы думали, что служага. Внешне-то вы военный.

ГРОМАДИН: Только внешне. Ну а вы кто будете?

ЗК-5: Зека Устинов, бригадир 17-й. У меня народ хороший, работы не боится, только загружайте.

ЗК-4: Гражданин начальник, вы работу давайте 17-й, а зачёты 35-й. Они - коняги-работяги, а мы – доходяги.

ЗК-1: Не-е, гражданин начальник, мы орлы-стервятники, слетелись со всех сторон. Только не сами, а благодаря гражданину прокурору! Я, к примеру, прилетел из Перми.

ГРОМАДИН: И надолго?

ЗК-1: Указ 47-го. Срок 7 лет. Начало срока 6 июля 1948-го, конец 17 мая 1954-го.

ГРОМАДИН: Как фамилия?

ЗК-1: Шушпанов, гражданин начальник.

ГРОМАДИН: С арифметикой у тебя неважно, Шушпанов. 48 плюс 7 равно 55, а у тебя - 54.

ЗК-1: Я же вкалываю, начальник. Мне, когда наряды закрывают - зачёты идут!

ЗК-5: Я что-то ни разу не видел, как ты вкалываешь. Вкалывают другие. А ты паразит и туфтила.

ЗК-1: Заткнись, фраер, не с тобой говорят. И ты гармошку на лбу не строй и на меня свои прожекторы не направляй. Видал я всяких таких. *(Занел)*

Стаканчики гранёныя

Упали со стола,

Упали и разбились –

Разбита жись моя...

ЗК-5: А я, гражданин начальник, тоже строитель, инженер-строитель. Имею срок 8 лет по Указу от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Я сменял доски от упаковки станков на картошку, чтобы посадить в огороде. Директор завода мне разрешил, а кто-то стукнул, и меня взяли. Директора тоже.

ЗК-2: Зека Горшенин. Был председателем колхоза, получил 5 лет за то, что сменял колхозную пшеницу на запчасти к тракторам, чтобы пахать колхозные поля.

ЗК-3: Зека Гайдуков. Мне в 47-м 16 было, я вместе с двумя пацанами – одному 12, другому 14 – 6 килограмм картошки упёр. Их отпустили, а мне – 6 лет. Год за килограмм.

ЗК-4: Зека Прокопенко. Меня за 8 огурцов. От голодухи живот сводило. Как я бригадира упрашивал не сообщать, предлагал отработать. Ни в какую, гад. В деле записали 8 килограмм. Дали 8 лет.

ЗК-5: Гражданин начальник, а может, чайку? У меня конфеты-подушечки есть...

ГРОМАДИН: В другой раз. Ночью температура упала до минус 40. Если трубы не засыпать – водопроводу крышка.

ЗК-5: Семнадцатая, собирайся! У кого есть валенки и бушлаты – о-де-вайсь!

ЗК-1: Да пошёл ты! В такой мороз мы не работники.

ЗК-4: Ты, гражданин начальник, другую погодку подобрал бы. Не, мы на работу не пойдём.

ЗК-1: *(запел)* А если на работу мы пойдём,

От костра на шаг не отойдём,

Побросаем рукавицы,

Перебьём друг друга лица,

На костре все валенки пожгём.

ГРОМАДИН: Шушпанов, мастера художественной самодеятельности остаются в лагере, но я тебе обещаю: так наряды порежу, что выйдешь, как положено, в 55-м. Не расходиться! *(Идёт к телефону)* Никитин, воду качать по трубам на прогон! *(Набирает другой номер)* Александр Иваныч, заключённые из-за мороза отказываются выходить на работу, разрешите выдать всем работающим валенки, бушлаты и по 150 граммов спирта... Спасибо, товарищ Ильин! *(ЗК)* Бушлаты и валенки привезут.

ЗК-2: А день зачтут за три?

ГРОМАДИН: Да. День за три, горячий обед и по 150 граммов в два приёма.

ЗК-5: Сейчас подберём братву! Через полчаса у ворот человек 300 будет. По бригадам становись! По пятёркам раз-берись! *(Идут. Скрип шагов колонны по снегу и лай собак)* Не волнуйтесь, Пётр Григорыч, не впервой народ на прорыв

бросать. В бухгалтерии на хранении мои награды - медали за взятие Кёнигсберга и Берлина. Как видите, пострашней передраги бывали.

ЗК-2: А у меня – за взятие Будапешта и Вены. Работнём, гражданин начальник!

ЗК-3: А конвою пусть тоже кирки и лопаты дадут – какой дурак в такой мороз побежит! А так, глядишь, дополнительная рабсила вместо оцепления.

ГРОМАДИН: Не умничай, Гайдуков. Поторопись!..

ЗК-3: А мы чё? – поторопимся. И трубы засыпем – лишь бы не на милицию горбатиться.

ГРОМАДИН: При чём тут милиция?

ЗК-2: А вы что, не слышали, гражданин начальник? Отряд из 6-го лагеря на объект послали, а кто-то увидел по чертежам, что это стройка здания милиции – ну и они все отказались. Теперь, говорят, женский отряд будет строить...

ЗК-1: Лет 14 – как два моих срока!

ГРОМАДИН: Вдоль траншеи разойдись!

Заключённые работают. Удары кувалды

ГРОМАДИН: *(кричит по телефону)* Я только что с 9 квартала. Там беда: труба лопнула вдоль оси. Цеха и дома замерзают, а мёрзлый грунт техника не берёт, приходится жечь костры и долбить вручную, кувалдами разбивают.

СЕКРЕТАРЬ: Чаю горячего, Пётр Григорьич?

ГРОМАДИН: Некогда, Рита! *(В трубку)* Котельная прекратила подачу тепла, начальникам цехов приказано каждый час температуру энергетикам докладывать. Если до нуля упадёт, 2-й цех встанет. Вы поняли? *(Набирает номер)* Лида, у нас авария, не жди меня!.. Да какой обед! Не волнуйся! *(Набирает другой номер)* Кравцов, походную кухню в лагерь отправляй: некогда, некогда обедать! Выдавай только горячий чай и хлеб. Обедать будем, когда насосы включим. *(Пишет на маленькой доске мелом температуру по участкам; набирает по телефону номер)* Сколько сейчас? 16? Продолжай качать! ... Иван Ильич, у тебя? 14?! Дай мне Протасова! ... Так найди его! Через 10 минут перезвоню. .. Борис Палыч, сколько? 12? ... Ильин в курсе?.. Так чего ты ждёшь?! Заводи мотор и рви туда!... Завьялов, сколько у тебя? Плюс 8?!? Михалыч, родной, плюс 2 – это предел! ... Да мы же всех заморозим! У нас же все вымрут, как мамонты, твою... Держись, сейчас буду! *(Уходит)*

ТАНЯ: *(письмо)* Боюсь я, Клава. Порой Виктор не приходит ночевать, - у них там то и дело аварии. Похудел, осунулся. Но это что! – Громадин, говорят, поседел, а ведь молодой совсем... Я, Клава, понемногу привыкаю. Когда в Школьном проезде открыли первый магазин, меня продавцом взяли. Об отъезде больше не думаю. Да и куда я без Вити? Сейчас вот в очередь на детскую коляску записалась...

8. Громадин и Лида дома

ЛИДА: Наконец! Что там?

ГРОМАДИН: Всё нормально.

ЛИДА: *(проводит по его волосам)* Боже мой... А промёрз-то как! Петя, тебе же нельзя переохлаждаться, ты на фронте туберкулёз перенёс. Как же можно в минус 40 – в шинельке и сапогах?! Давай быстро умываться, пока не остыло... У тебя бригадиры зековские теплее одеты. Ты почему себе полушубок и валенки не потребуешь?

ГРОМАДИН: Не время сейчас допросы вести, Лидуша. Я голодный, как волк, - налей-ка мне супчику и чаю погорячей. У меня полчаса.

ЛИДА: Как полчаса?! Ты только для других требовать можешь, а для себя – никогда. *(За столом)* Петя, к нам сегодня Пироженко заходил. Не хотел без тебя говорить, да я из него вытянула – поняла, что не по пустячному делу. Он предлагает тебе быстро доделать финский дом в зоне, на две квартиры, – чтобы они и мы туда въехали.

ГРОМАДИН: В зону? Самовольно?!

ЛИДА: Мы ведь замёрзнем тут, щели со всех сторон, а печка греет, только пока её топишь.

ГРОМАДИН: Так нас же выгонят.

ЛИДА: Николай Матвеич сам всё утрясёт. Он же подполковник МГБ. Сказал, твоя задача – доделать дом и не говорить никому. А въедем 31 декабря.

ГРОМАДИН: Это безумие, Лида, нас всё равно выгонят.

ЛИДА: Петь, не переживу я ещё одну зиму в этой картонной коробке... *(Громадин думает)* У Пироженко двое детей, у нас тоже будут...

ГРОМАДИН: А не боишься? Бабы вон носа не высовывают, пока заключённых из лагеря в зону да обратно с работы ведут, а ты жить в зоне собралась.

ЛИДА: Как-нибудь, Петя. Всё лучше, чем так мёрзнуть. Да и заключённые – такие же люди...

ГРОМАДИН: Забыла, как перепугалась, когда свет в лагере погас?

ЛИДА: Так это когда было!

ГРОМАДИН: Ох, бедовая ты у меня, Лида... 31 декабря, говоришь? Ладно, скажу Пироженко, пусть грузовик достаёт... *(Уходит)*

9. Новый год

Лида заводит патефон: Пётр Леценко, «Скажите, почему...»

Две зечки развесили бельё и помогают Лиде украшать маленькую ёлочку самодельными игрушками и гирляндами.

ЗК-6: Я ведро кукурузы с колхозного поля взяла. Детей кормить надо было. Молотили початки, а я незаметно нагребла в фартук и в ямку сыпала. Раз, другой, так ведро и набралось. А когда сгребла вечером, несла домой – поймали. Плакала, просила, но не простили. Под суд! 7 лет по указу отмерили.

ЗК-7: А меня - за подделку хлебных карточек. У меня мать больная, две сестрёнки младшие и братишка. Конечно, голодали. Я подправляла – из четырёхста грамм делала шестьсот. Попалась, 10 лет дали. А через месяц карточки отменили.

В «Севрюге» - тоже Новый год, развешивают гирлянду с флажками

ОЛЯ: С Новым 1950 годом, мамочка! Не сердись, что пишу редко. У меня ведь ни часочка нет свободного: если не на работе в цехе – значит на субботнике (строим стадион) или на репетиции драмкружка. У нас к 32-й годовщине Октября клуб открылся! Видела бы ты, как заключённые потолки и стены расписали – такие таланты нашлись! Теперь вся молодёжь – кто в хоре, кто в оркестре, а мы с Ритой и Шурой «Три сестры» репетируем. «В Москву! В Москву!»...

САНЯ: Да если бы у ваших сестёр было такое же стоящее дело, как у вас – разве бы они так ныли?

ОЛЯ: Вот не догадался Антон Павлович отправить их на завод!

ШУРА: Или в вечерний институт! С октября мы с девочками ходим на подготовительные курсы. Первую лекцию по физике читал сам Арцимович. Я ничегошеньки не поняла! Но Лев Андреич сказал: «Понять это нельзя, я тоже не понимаю, надо просто привыкнуть, что это так». Успокоилась! У нас здесь можно и представление увидеть – в клуб ходить не надо! Открывается дверь - и входит...

ВАЛЕРА: Валера Ключов! Заметьте - в модной рубашке...

ШУРА: Фанфаро-о-он...

ВАЛЕРА: *(в зал, подмигивая)* Девчонки в отпаде!

ШУРА: Входит - и тут же покидает лекции, удаляясь на футбол.

ВАЛЕРА: ... благо поле – через дорогу. *(Выстрел)* Не прощаюсь! *(Исчезает, тут же возвращается)* 1:0! «Сокол» забил «Вымпелу». Салютовал «лорд Керзон».

ГРИША: Лорд Керзон - так прозвали начальника вакуумной службы 1-го цеха Алексея Алексеевича Соколова. Он ходит на футбол с собакой и ружьём и выстрелами отмечает счёт. А знаешь, Толик, как бы он тебя разыграл, если бы ты пришёл в его цех новичком-ремесленником? *(Берёт ведро)* «Принеси-ка, голубчик, из отделения ведро вакуума!». Учи физику сам и Мишке с Борькой накажи!

ПАША: Наш цех полгода работал в 3 смены, и за декабрь я получил 1200 рублей. Купил себе к Новому году костюм. Приеду в отпуск – дам тебе, Димка, пофорсить. *(Подмигивает)* Все девушки в районе будут твои! Ребята меняют шинель на «москвичку» - видел, такое укороченное пальто? Вся Москва носит. Шик! Я в следующем месяце себе тоже куплю.

САНЯ: Ух, как я соскучился по тебе, любимая сестрёнка! С Новым годом, Анюта! Подарочек припас. С самоцветами пока не получается, - тут всё больше другие камушки, но зато привезу тебе кедровых шишек.

АЛЕКСЕЙ: У нас на площадке заработал буфет, и такой, скажу я вам, готовят там бифштекс! – с луком, яйцом и большим гарниром из жареной картошки! Стоит 7.50. А у меня зарплата тыща плюс 20% за Урал и условия работы. Это ж сколько бифштексов!.. Сказать по правде, очень я боюсь, если вдруг исчезнет эта возможность есть бифштексы. Правда, сейчас придётся немного посидеть на одной каше: прошла подписка на третий заём. Отдал получку на восстановление народного хозяйства.

Под патефон поют и танцуют танго. Приходит домой ГРОМАДИН.

ЛИДА: Петя, сейчас закончу и будем ужинать. Помоги мне! *(Вешают гирлянду)*

ГРОМАДИН: Знала бы ты, Лидуша, из-за чего задержался! Шёл я в зону к калитке, как обычно. Вдруг крик: - Стой, кто идёт! - И тут же – два винтовочных выстрела. Вижу - из караульной будки бегут ко мне два солдата, арестовывают и ведут в караулку. Оказалось, калитку перенесли в другое место забора. Составили протокол и заставили расписаться за то, что на моё задержание израсходовано 2 боевых патрона. Так что я теперь стреляный воробей!

ЛИДА: Ох, а если бы...

ГРОМАДИН: Не если бы. Лида, откуда на веранде столько дров?

ЛИДА: Принесли. Помоги мне.

ГРОМАДИН: Понятно. А это чьё бельё?

ЛИДА: Петя, ну что такого, если у них в лагере постирать негде? Повесят сушить, тут же воруют, если не укараулишь.

ГРОМАДИН: Лида, ты с ума сошла! Ты же ещё недавно на полу у двери зубной порошок насыпала, когда из дому выходила, - чтобы увидеть след, если вдруг в квартиру сбежавший зека заберётся. Это зона, Лида! Может, ты их ещё чаем поить будешь, пока я на работе?!

ЛИДА: Буду. Ничего страшного не случится, если люди просто посидят у нас на кухне. Это напоминает им прежнюю жизнь в семье. И потом, я же врач, я людям помогать должна.

ГРОМАДИН: Мало того, что мы сюда самовольно въехали, мы ещё организуем недозволенные связи с заключёнными.

ЛИДА: Они нормальные люди. А у нас теперь с дровами проблемы нет. Ты лучше скажи, опять на полтора оклада подписался?

ГРОМАДИН: Что делать, Лидуша? Опять стране займы даём...

ЛИДА: *(вздыхает)* Когда же это кончится?..

ГРОМАДИН: Ты же слышала: товарищ Сталин считает, что верность революции проверяется тем, как человек подписался на заём.

ЛИДА: И что, все добровольно подписались?

ГРОМАДИН: Да куда уж все! Многие под нажимом. Некоторые под угрозами – дескать, помощь в профсоюзе не дадут, дров не привезут. Вот так сначала указом 47-го дешёвую рабочую силу собрали, теперь тех, кого не взяли, потрясут.

ЛИДА: Молчи, Петя! От греха...

ГРОМАДИН: Ничего, Лидуша, проживём. Давай-ка Новый год и новоселье отмечать. Смотри, что я принёс. *(Разворачивает свёрток в газете)*

ЛИДА: Батюшки! Помидор! Зимой! Откуда?!

ГРОМАДИН: Васильев из Москвы привёз. Один – Ильину, один – мне. Остальные официантке отдал, чтоб на стол подала. А та впервые увидела, что с ними делать – не знает. Спросить постеснялась и – сварила!

ЛИДА: *(смеётся)* Не повезло Васильеву. У меня тоже сюрприз. *(Достаёт буханку хлеба)* Первый хлеб первой пекарни. *(Разламывает, оба с наслаждением вдыхают запах хлеба и кусают. Бьют куранты).* С Новым годом, Петя! Пусть он будет счастливым!

На зоне украшают колючую проволоку

- Евдокимова, ты что, флаг порезала?
- Никак нет, гражданин начальник. Это когда клуб открывали, сцену украшали – вот и остались обрезки.
- А ну снимай этот натюрморт!
- Так праздник же! Пусть повисит!
- В карцер захотела?

Лида поёт «Когда простым и нежным взором...», девушки подхватывают. Ритм песни постепенно переходит с лирического на джазовый. Все девушки снимают сапоги, надевают туфельки.

ДЕВУШКИ: Первый тротуар!

ВСЕ: Весна!

10. Весна. 1 апреля

Интермедия с магнитом (ключи, металлическая расчёска, шпильки, заколки...)

ПАША: Когда в обмотку магнита дали первый ток, случились трагикомические инциденты: то винтовку вырвало из рук охранника...

ГРИША: ... то слесаря-монтажника сбросило с железной лестницы, и та со звоном припечаталась к магниту. К счастью, никого не изувечило.

ВИКТОР: Электромагнитный метод разделения изотопов заработал! Мы сделали это за 2 года!

ВСЕ: «И это не шутка!»

САНЯ: А вот это – шутка! 1 апреля, я на ночном дежурстве (*смотрит на часы*) третий час ночи. (*Набирает номер по телефону, изменённым голосом*) Алло! Серафима Степановна, срочно мне Гаврилова из 4-й комнаты!

СЕРАФИМА (Аня): Всё им срочно, срочно, не дают отдохнуть человеку...

АЛЕКСЕЙ: (*заспанный, на ходу*) Только лёг... (*В трубку*) Гаврилов.

САНЯ: Лёха, это Саня, у входной стрелки на станцию паровозы столкнулись! Мне с диспетчерской позвонили.

АЛЕКСЕЙ: Чёрт! Бегу!

САНЯ: (*минуту поёт и танцует «Семь-сорок» Утёсова, потом снова звонит*) Здравствуйте, Серафима Степанна, это Саня. Алёшку позовите, если не спит.

СЕРАФИМА: Как же, спит! Кто-то позвонил – он пулей выскочил. Случилось у них чего-то.

САНЯ: Вот чёрт! (*Набирает номер*) Тимофеич, ты? Сейчас к тебе Гаврилов прибежит. Я подшутил над ним, сказал, что у него паровозы столкнулись, а он так быстро сорвался, что я не успел дать отбой. Скажи ему, что это шутка. 1 апреля!.. Спасибо!

САНЯ насвистывает и разминается как боксёр. Вбегает АЛЕКСЕЙ

АЛЕКСЕЙ: (*запыхаясь*) Спасибо, что позвонил, Саня! Паровозы я уже поднял. А знаешь, почему они столкнулись? Потому что их было два, а стрелка – одна. Всё,

как у тебя: глаза два, а нос – один! (*Вдарил между глаз, опрокинул. Ласково, помогая подняться*) Не шути так больше, Саня!

САНЯ: (*проверяя челюсть*) Хороший удар, Лёша...

*Выходят девушки в красных косынках, с лопатами и саженцами,
поют «Легко на сердце от песни весёлой...»*

САНЯ: Девчата, а вы где это сажать будете?

ШУРА: В новом сквере. Может, твоим именем назовут.

САНЯ: Я не против! Только лучше – нашими именами.

РИТА: Это как же?

САНЯ: Городской сквер «Первые»!

ШУРА: А что – по-моему, неплохо! (*Поют дальше*)

САНЯ: Девчата, а вы видели? – на Мамина-Сибиряка все верхушки деревьев козы объели. Предлагаю коз отловить и передать столовой для усиленного питания...

ШУРА: Коз?

САНЯ: ... заводчан!

Вбегает встревоженная ЛИДА в белом халате, песня обрывается.

11. Эпидемия

ЛИДА: (*по телефону*) Петя, у нас ЧП. Я домой сегодня не приду, ты поужинай в столовой... Потом, не по телефону... Нет, не приезжай... Ну хорошо. Люди массово болеют – уже 24 человека, со среды. ... В том-то и дело, что не ясно – никто никогда не встречался с подобным. Больше не могу говорить... Нет, Петя, я не могу уйти, а ты не можешь мне приказать. Пожалуйста, не волнуйся за меня! (*Уходит*)

Примчался ГРОМАДИН

ГРОМАДИН: Лида!.. (*Она выходит в марлевой маске*) Это опасно?

ЛИДА: Пока не знаем. Трое умерли. Болезнь развивается стремительно: резкое повышение к вечеру температуры до 40, судороги, а к утру – смерть или паралич. Ещё четверо в тяжёлом состоянии. Сообщили в Москву, комиссия вылетает.

ГРОМАДИН: Лида, тебе нельзя тут!

ЛИДА: Странная эпидемия. Все заболевшие работали в лесу, на строительстве линии электропередач.

ГРОМАДИН: Лида, ты слышишь, что я говорю?! Тебе нельзя тут! Это опасно! Опасно!

Бунт заключённых. Выстрел из винтовки.

ТАНЯ: Ой, Клава, что тут было! Я чуть не умерла со страху. Бунт заключённых. Они на работу отказались выходить, всю ночь на крышах барачников кричали и пели. Офицеры ходили с винтовками вдоль забора. Утихло только в 6 утра.

ГРОМАДИН: Лида, я отвезу тебя домой!

ЛИДА: Я поберегусь, Петя. А уехать не могу – сам знаешь. Надо дожидаться из Свердловска результатов анализов. Езжай домой, и мне идти надо. (*Расходятся*)

ГРОМАДИН: *(ей вслед)* В посёлке слухов полно. Того глядишь, паника начнётся.
(Тихо, себе) У меня уже.

ПАША: *(письмо)* Димка, беда у нас. Матери я написал, что всё отлично, - ну, а ты не проболтаешься. У нас тут непонятно от чего люди умирают. Одни говорят – уже 8, другие – вдвое больше. Некоторые считают, что причина – в той самой секретной продукции. Но в цехах-то ни одного заболевшего!

ОЛЯ: Мамочка, все ужасно напуганы неведомой болезнью. Никто не знает, что это. Шуре кто-то сказал, что это диверсия, но я не верю. Хотя военных больше стало. Всюду проверки.

ГРИША: Общежитие гудит как встревоженный улей. Многие не на шутку испуганы – вспомнили даже пушкинское «дуновение чумы». Вот только «пира» нет - никто патефон не включает, не поёт под гитару. И в клубе пустота.

ВИКТОР: Что делать?! Танюша в панике, то и дело плачет. Если в ближайшие дни ситуация не прояснится и не успокоится, отправлю её домой.

ЛИДА: *(снимает халат)* Здравствуйте, родные мои! Уже всё позади, и я могу написать вам. От неведомой болезни вдруг стали умирать люди – скоропалительно, один за другим, 13 человек. Из Москвы прилетела комиссия, начались массовые обследования пищеблоков, отхожих мест, источников воды. Хлорку расходовали тоннами. Отправили в Свердловск анализы. Оказалось – клещевой энцефалит. Из Москвы доставили вакцину. Приходится уговаривать, потому что многие отказываются, боятся. В лесхозе ввели обязательные осмотры через каждые 2 часа. Я за эти полмесяца вымоталась ужасно, почти не спала. У Пети прибавилось седых волос. Чтобы его успокоить, беру отпуск и еду к вам. Рожать тоже в Арзамасе буду. Не волнуйтесь, Петя проводит меня.

Ночной поезд. Стихи Евгения Карасёва

Если искренни чувства
и за спиной судьба,
ни к чему искусство,
красивых слов городьба.
Были бы речка знакомая,
прилетающие по весне грачи.
И бессонные окна дома
со спасительным светом в ночи.
Нехитрую эту малость
я выискал не налегке —
на расхристанных дорогах маясь,
ютясь на чужом чердаке.
И хочу, чтоб в моих строчках
за частоколом напастей, бед
стылой, отчаянной ночью
обнадёживающий брезжил свет.

Пассажир расталкивает спящего ГРОМАДИНА

ПАССАЖИР (Кирилл): Товарищ, товарищ, вы, случаем, не болеете? Столько времени спать, и во сне стонали часто.

ГРОМАДИН: *(смотрит на часы)* А сколько я спал?

ПАССАЖИР: Да уж больше суток.

ГРОМАДИН: 26 часов. А сколько до Свердловска?

ПАССАЖИР: Часов 10.

ГРОМАДИН: Тогда я ещё, пожалуй, посплю. *(Улыбается)* Да вы не волнуйтесь, работа у меня такая, сложная, устал. Жену вот к родителям рожать увёз...

12. Финал

Выходят ОЛЯ и АЛЕКСЕЙ

АЛЕКСЕЙ: Кто бы мог подумать, что и на Урале – белые ночи! Как в моём родном Ленинграде! Вчера остался после смены, чтобы принять бетон – документы в полночь читал без подсветки.

ОЛЯ: *(смеясь)* Вот так идёшь гулять под звёздами, надеясь отыскать Кассиопею, Млечный путь, Орион, а тебе про бетон... А помнишь, когда только приехали, ты обещал, что под звёздами мечтать будем?

АЛЕКСЕЙ: *(накидывает на Олю пиджак)* Две мечты, по крайней мере, уже сбылись.

ОЛЯ: *(улыбается)* А какая вторая?

АЛЕКСЕЙ: Новый город. Пусть его нет на карте, да и имени у него нет...

ОЛЯ: ... и вообще пока это лесной посёлок...

АЛЕКСЕЙ: Но будет, будет Лесной-город!

Выходят персонажи: у одних на руках – свёртки с «детьми», другие на дне коробки убирают колючую проволоку, расставляют зелёные деревья и цветные домики.

Песня «ДРУЖБА» вместе с залом